

УДК 81'255.2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК Б. КЛАВЕЛЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.В. Савина

*Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории речи и перевода
e-mail: Elena-Savina@yandex.ru*

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск)

Данная статья посвящена изучению и описанию средств создания экспрессивности в литературных французских сказках на примере творчества Б. Клавеля. Анализ репрезентации экспрессивности тропов – сравнения, олицетворения, эпитета, метафоры, литоты – осуществляется через комплекс трансформаций, таких как стилистическое соответствие, стилистическое усиление, стилистическая субституция, стилистическая индивидуализация, стилистическая типизация, стилистическое ослабление и стилистическая нивелировка. Использование указанных трансформаций позволяет переводчикам воссоздать равно эквивалентные произведения в ракурсе репрезентации экспрессивности.

***Ключевые слова:** литературная сказка, репрезентация экспрессивности, стилистическое соответствие, стилистическое соответствие, стилистическое усиление, стилистическая субституция, стилистическая индивидуализация, стилистическая типизация, стилистическое ослабление и стилистическая нивелировка.*

Введение

В настоящее время литературные произведения, относящиеся к поэтическому тексту, являются достаточно распространенным типом текста, поэтому значимость данной статьи обусловлена возникающими трудностями при переводе средств передачи образности и средств художественной выразительности, которые требуют дальнейшего и всестороннего изучения. Литературная сказка анализировалась в основном лишь с позиций литературоведения в трудах Ю.М. Брауде [Брауде 1979: 1–10], Е.Н. Ковтун [Ковтун 1999], Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого [Лейдерман, Липовецкий 2003]. Большой вклад в развитие данной проблематики внесли И.В. Цикушева [Цикушева 2008], которая анализировала жанровые особенности литературной сказки и В.К. Харченко [Харченко 1976], написавший труд по разграничению оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова. Своевременным и перспективным представляется также анализ конкретных сказок Б. Клавеля, как уникальных произведений, в статье

К.В. Старинновой, Е.А. Хорошевой [Стариннова, Хорошева 2022: 255-260].

Следовательно, ранее проводимые исследования в данной области отражают недостаточность в рассмотрении французской литературной сказки в переводческом аспекте. Целью данной статьи является анализ особенностей репрезентации экспрессивности художественных литературных сказок Б. Клавеля на русский язык в ракурсе стилистических преобразований.

Материалы и методы

Мы придерживаемся точки зрения А. Поповича о классификации стилистических изменений в переводе. В работе «Проблемы художественного перевода» (1980) дается детализированная классификация стилистических сдвигов в переводе. По мнению ученого, она может быть представлена следующим образом: стилистическое соответствие, стилистическая субституция, стилистическая замена-инверсия, стилистическое усиление, стилистическая типизация, стилистическая индивидуализация, стилистическое ослабление, стилистическая нивелировка, стилистическая утрата [Попович 1980].

Согласно точке зрения А. Поповича, переводчик имеет в своем распоряжении эквивалентные средства выражения для воссоздания инварианта оригинала, но преднамеренно акцентирует другие стилистические моменты и придает переводу новую эстетическую информацию. В качестве усиления выразительности следует учитывать и стремление подчеркнуть типические выразительные свойства оригинала. С другой стороны, возможны индивидуализация средств выражения, выдвигание на первый план особенных стилистических свойств оригинала. Переводчик нивелирует выразительные особенности текста, упрощает его стиль, а также не имеет в своем распоряжении стилистических средств для воспроизведения образных примет оригинала и поэтому вынужден обращаться к заменяющим средствам. Как правило, в таких случаях речь идет об изменении стилистических элементов выражения, о замене непереводимых выражений, образных связей, идиом [Попович 1980:101-107].

Результаты

На лексическом уровне элементами идиостиля Б. Клавеля являются сравнение, олицетворение, эпитет, метафора, литота. Рассмотрение частотности употребления тропов показывает, что основным способом создания образности является сравнение и олицетворение [Стариннова, Хорошева 2022: 255-260]. Предметом исследования данной статьи выступает репрезентация экспрессивности в литературной французской

сказке Б. Клавеля в переводе на русский язык, выполненном Ю. Стефановым, Н. Бордовских.

Обсуждение

Рассмотрим передачу эмоционального компонента на переводящем языке в выявленных тропах.

Метафора

«*Il souleva d'énormes vagues et les poussa vers la plage. Elles étaient toutes blanches d'écume et grondaient comme des monstres furieux*» [Клавель 1987: 25]. – «Он поднял огромные волны и погнал их к берегу. Они были совсем белые от пены и ревели как разъяренные чудовища» [Клавель 1987: 25]. В данном случае метафора с элементами сравнения «*vagues grondaient comme des monstres furieux*» была полностью передана за счет стилистического соответствия – волны ревели как разъяренные чудовища. Ю. Стефанов смог, не искажая смысла, воспроизвести те же ужасающие эмоции, всю злость и ярость ветра, описав величавые, наводящие страх волны. В данном случае перевод метафоры осуществляется с сохранением лексической наполняемости.

«*Effrayée, Odile s'éloigna de la plage et monta sur le dos rond de l'île*» [Клавель 1987: 25]. – «Перепуганная Одиль бросилась прочь от побережья и взобралась на округлую спину острова» [Клавель 1987: 25]. Здесь переводчик также без особых усилий переводит метафору с использованием приема стилистического соответствия, в результате образность высказывания не утрачивается. Ю. Стефанов сохраняет испуг главной героини и заставляет читателя вообразить, представить данную картинку, увидеть своими глазами происходящее.

«– *Regarde autour de toi. D'ici, tu verras que l'île est ronde et bossue en son centre, comme une coquille d'escargot*» [Клавель 1987: 26]. – «– Оглянись по сторонам. Ты увидишь, что наш остров круглый и с горбом посередине, как раковина улитки» [Клавель 1987: 26]. В данном случае переводчик использует грамматическую трансформацию, меняя прилагательное *bossue*, входящее в состав метафорического выражения, на существительное *с горбом*. Тем не менее сохраняется полное смысловое соответствие оригинала, следуя сценарию аналогичного метафорического проецирования.

«*Ils remercièrent l'escargot et lui offrirent des caisses de salade qu'il mangea avec beaucoup d'appétit, car il n'avait rien absorbé depuis le temps ou une tempête avait fait de lui un îlot perdu et battu par les flots*» [Клавель 1987: 30]. – «Они поблагодарили улитку и подарили ей несколько ящичков салата, а улитка стала уплетать его за милую душу, потому что ничего не ела с тех самых пор, когда буря превратила ее в затерянный островок, исхлестанный волнами» [Клавель 1987: 30-31]. В рассматриваемом случае

оригинал содержит фразу *qu'il mangea avec beaucoup d'appétit*, которое дословно можно перевести как *съел с большим удовольствием* [Гак 2010: 659, 88, 109, 58], однако переводчик углубляет эмоциональный эффект, употребив устойчивое в языке читателя идиоматическое выражение *уплетать за милую душу*, прибегнув к приему стилистического усиления. Таким образом Ю. Стефанов достигает равноценности в содержательном смысле по отношению к исходному тексту, усиливая впечатляющую броскость выражения и передавая эмоции большого желания и несказанного удовольствия улитки в данный момент. Переводчик акцентирует на субъективности выражения, увеличивает экспрессивность благодаря использованию идиомы, отсутствующей в оригинале.

«*Ils s'arrêtaient souvent sur une branche pour tendre l'oreille*» [Кламель 1987: 13]. – «*По пути они то и дело присаживались на ветки, чтобы прислушаться*» [Кламель 1987: 13]. Фразеологизм оригинала *tendre l'oreille* обозначает *навострить уши* [Гак 2010: 1075]. Простая метафора была переведена Н. Бордовских глаголом *прислушаться*. Данная лексическая единица имеет менее экспрессивный оттенок значения в отличие от словосочетания *навострить уши*, что используется в исходном предложении. В данном случае была применена стилистическая субституция, благодаря которой переводчик достиг соответствия тексту оригинала слегка ослабляя впечатляющую броскость выражения. Н. Бордовских сохраняет исходный смысл метафоры, но меняет лексическую наполняемость предложения.

«*Ah oui, vous pouvez me croire, c'était amusant de voir ce hibou devenu soudain énorme et tout rond, ce hibou dont les gros yeux avaient pris la luminosité et la couleur de la lune*» [Кламель 1987: 15]. – «*Уж можете мне поверить, нельзя было без смеха смотреть на этого филина, который внезапно так раздулся и стал совершенно круглым, чьи громадные глаза светились лунным огнем*» [Кламель 1987: 15]. Оригинальные строки *les gros yeux avaient pris la luminosité et la couleur de la lune* можно понять дословно как *большие глаза приобрели свет и цвет луны* [Гак 2010: 521, 747, 860, 643, 252, 643]. В данном случае мы наблюдаем резкую метафору, которая соединяет далекие друг от друга понятия – *громадные глаза светились лунным огнем*. Н. Бордовских использует прием стилистического усиления, позволяя выражению наполниться экспрессией, передать яростные настроения негодования, унижения и стыдливости совы. Предложение звучит более эмоционально, излагает суть, заложенную в оригинал, демонстрирует уязвимость главного персонажа.

Итак, эмоциональный компонент, заложенный в оригинальных метафорических выражениях, передается переводчиком через стилистическое соответствие, стилистическую субституцию и стилистическое усиление.

Эпитет

«*Ah oui, vous pouvez me croire, c'était amusant de voir ce hibou devenu soudain énorme et tout rond, ce hibou dont les gros yeux avaient pris la luminosité et la couleur de la lune*» [Кламель 1987: 15]. – «Уж можете мне поверить, нельзя было без смеха смотреть на этого филина, который внезапно так раздулся и стал совершенно круглым, чьи громадные глазница светились лунным огнем» [Кламель 1987: 15]. Данное предложение содержит в себе несколько ярких уточнительных эпитетов, которые подчеркивают отличительный признак совы. В первой части данного предложения *ce hibou devenu soudain énorme et tout rond* Н. Бордовских прибегает к использованию стилистического соответствия, передавая задуманное автором оригинала состояние главного персонажа, его смущение, неловкость и нелепость. В данном случае эпитет указывает на особенность совы визуально увеличиваться – *раздулся и стал совершенно круглым*. Во втором случае, словосочетание *les gros yeux* было передано переводчиком как *громадные глазница*, которое звучит более экспрессивно в языке перевода, нежели в оригинале и задает настроение страха и атмосферу стыда совы. В данном случае, Н. Бордовских применил стилистическое усиление, которое позволило нарастить впечатление от текста, подчеркнуть логику изложения и выделить наиболее важные компоненты смысла, а также передать художественное средство, подчеркнув отличительный признак совы – глаза. Переводчику удалось интерпретировать смысл текста, приблизить его к читателю так, чтобы он воспринимался как оригинальное произведение.

«*A la surface de l'étang, il n'y avait plus le gros reflet de la lune, mais une multitude de vaguelettes lumineuses qui faisaient comme un semis d'or fin*» [Кламель 1987: 14]. – «Теперь на поверхности пруда уже не было отражения большого лунного диска, но искрилось множество мелких светящихся волн, словно пруд засеяли чистым золотом» [Кламель 1987: 14]. Строки оригинала Б. Кламеля звучат как *plus le gros reflet de la lune*, которые описывают луну, однако в переводе Н. Бордовских передает характерную черту луны – *отражение большого лунного диска*, используя уточнительный эпитет, и таким образом украшая и эмоционально подчеркивая особенность луны. Переводчик воспользовался приемом стилистического усиления, что позволило интерпретировать текст, подобрав устоявшееся в языке эквивалентное значение, понятное реципиенту. Таким образом, Н. Бордовских достиг эмоциональной окраски в описании поверхности пруда, в котором пропало свечение луны, проявляя свое умение воссоздавать в воображении художественные картины, изображенные писателем с помощью слова. При этом переводчику удастся увеличить образность высказывания и сохранить исходный смысл. Благодаря этому читатель погружается в картину и

воспринимает литературные образы. Во второй части предложения словосочетание *mais une multitude de vaguelettes lumineuses* содержит эмоциональный эпитет, который дает представление о потревоженной воде в пруду. В данном случае переводчик прибегнул к приему стилистической индивидуализации, включив дополнительные слова, описывающие происходящее, глагол *искрилось* и прилагательное *мелких*. Здесь заметно превалирование творчества переводчика над творчеством писателя. Данный перевод представляется нам удачным, поскольку Н. Бордовских успешно сохранил не только стилистический прием, но и более детально описал сказочную картину расплескавшейся воды, отметив мельчайшие детали в виде мелких светящихся волн.

«*Et, depuis lors quand il met le nez à sa fenêtre pour respirer l'air de la nuit, on ne voit plus que ses deux yeux immenses qui brillent, qui brillent comme deux éclats de lune*» [Клавель 1987: 15]. – «*И с тех пор, когда он высовывает нос наружу, чтобы подышать ночным воздухом, видна только пара его громадных глаз, которые сверкают и переливаются, словно два осколка луны*» [Клавель 1987: 15]. В представленном фрагменте используется уточнительный эпитет *ses deux yeux immenses*, который подчеркивает особенность больших глаз совы. Переводчик пришел к заключению о том, что словосочетание возможно перевести с помощью стилистического соответствия – *пара его громадных глаз*. Интерпретация данного предложения не исказила абстрактное языковое значение, отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений.

«*Lorsqu'elle arriva au sable fin, le caillou lui cria*» [Клавель 1987: 27]. – «*А когда она дошла до мелкого песка, он крикнул*» [Клавель 1987: 27]. При переводе эпитета *sable fin* был использован прием стилистического соответствия – *мелкого песка*. Ю. Стефанову удалось интерпретировать образное описание данной картины, функция которой была передана эквивалентно.

«*Comme la petite fille avait faim et soif, elle dessina des grosses oranges que le vent suspendit aux branches*» [Клавель 1987: 25]. – «*Тут девочка проголодалась и ей захотелось пить. Вот она и нарисовала большие апельсины, а ветер развесил их по веткам*» [Клавель 1987: 25]. В данном случае переводчик решил членить одно предложение оригинала на два, тем самым, не нарушив его семантику и лишь расширив образное понимание чувств девочки в моменте, тяжелое для ее лет испытание. Метафорический эпитет *des grosses oranges* был переведен как *большие апельсины* за счет стилистического соответствия. Дословный перевод уместен, поскольку совпадают структурные и переводческие эквиваленты. В описанном случае присутствует межъязыковая симметрия.

«*Odile grimpa dans l'arbre et n'eut plus qu'à cueillir les fruits juteux pour se désaltérer*» [Клавель 1987: 25]. – «*Ей осталось только вскарабкаться на дерево и нарвать сочных плодов, чтобы утолить голод и жажду*» [Клавель 1987: 27]. При переводе метафорического эпитета *les fruits juteux* переводчик использовал стилистическое соответствие – *сочных плодов*, благодаря чему разыгрывается воображение в умах читателя, рисуется изображение сладких, спелых, зрелых плодов, воссоздается яркая картина данного описания. Ю. Стефанову удается сохранить замысел автора, повествование становится таким же образным и живописным.

«*Alors que le soleil déclinait à l'horizon et plongeait dans les eaux devenues d'un vert sombre un peu effrayant, le vent se mit en colère*» [Клавель 1987: 25]. – «*Когда солнце стало клониться к горизонту и погрузилось в жутковатую темно-зеленую воду, ветер разозлился*» [Клавель 1987: 25]. Эмоциональные эпитеты оригинала *les eaux devenues d'un vert sombre un peu effrayant* были полностью переданы за счет стилистического соответствия – *в жутковатую темно-зеленую воду*. Ю. Стефанов смог, не искажая смысла, описать злую, наводящую страх воду, эмоции приближающейся опасности, злость и ярость ветра. В данном случае перевод эпитета осуществляется с сохранением лексической наполняемости.

«*Il souleva d'énormes vagues et les poussa vers la plage*» [Клавель 1987: 25]. – «*Он поднял огромные волны и погнал их к берегу*» [Клавель 1987: 25]. Ю. Стефанов без особых усилий переводит метафорический эпитет – *d'énormes vagues*, прибегая к использованию приема стилистического соответствия – *огромные волны*, которое позволяет сохранить образность напряженной обстановки, накала происходящего, угнетения волной. Предложение звучит более эмоционально, излагает суть, заложенную в оригинале.

«*Elles étaient toutes blanches d'écume et grondaient comme des monstres furieux*» [Клавель 1987: 25]. – «*Они были совсем белые от пены и ревели как разъяренные чудовища*» [Клавель 1987: 25]. Данный эпитет был интерпретирован с помощью приема стилистического соответствия. Ю. Стефанов сохраняет лексическую наполняемость предложения и принимает решение перевести словосочетание *toutes blanches d'écume* подобно оригиналу *совсем белые от пены*, закладывая смысл исходного текста. Переводчик осуществил пословный перевод, в результате совпадения узусов, не нарушив семантический языковой уровень.

«*Le gros caillou se mit à rire de sa bonne voix profonde, et il dit:*» [Клавель 1987: 27]. – «*Огромный валун гулко расхохотался, а потом сказал*» [Клавель 1987: 27]. В рассматриваемом предложении эпитет *le gros caillou* был переведен как *огромный валун* с помощью приема стилистического соответствия, который позволил читателю буквально

увидеть размеры, прочувствовать величину и мощь данного камня, его массивность. Однако Ю. Стефанов меняет лексическую наполняемость данного предложения, так как оригинал включает некую оценочную информацию о голосе героя. Переводчик принимает решение использовать прием стилистической нивелировки, опуская уточнения, то есть нивелируя словосочетание *sa bonne voix profonde*. Таким образом, произошло стирание характерной черты построения оригинала. Данный перевод представляется нам удачным, поскольку текст не утратил важной информации, заложенной в первоисточнике, так как Ю. Стефанов, в первую очередь, опирался на коммуникативную задачу оригинала в целом.

Итак, анализ такого художественного приема как эпитет показал, что главные эмоциональные компоненты исходного текста интерпретируются переводчиком через такие приемы как: стилистическое соответствие, стилистическое усиление, стилистическую индивидуализацию и стилистическую нивелировку.

Сравнение

«*Même la pie si bavarde était muette comme une carpe*» [Клавель 1987: 13]. – «*Даже болтливая сорока – и та стала немой как рыба*» [Клавель 1987: 13]. В данном случае сравнение *était muette comme une carpe* было переведено Н. Бордовских аналогично подобранным эквивалентом в языке перевода, используя прием стилистического соответствия – *немой как рыба*. Таким образом, предложение сохраняет свою эмоциональную окраску, атмосферу затишья, безмолвия, страха попасться на глаза, засветиться. Переводчику удастся осуществить перевод сравнения, прежде всего, за счет совпадения узусов в языке оригинала и языке перевода.

«*Elle avait des cheveux d'un beau blond de soleil et des yeux bleus comme le ciel des plus belles journées*» [Клавель 1987: 18]. – «*Волосы у нее были золотые, как солнце, а глаза – голубые, как небо в ясный денек*» [Клавель 1987: 18]. В данном предложении содержится двойное сравнение *des cheveux d'un beau blond de soleil / des yeux bleus comme le ciel des plus belles journées*. В первом случае Ю. Стефанов интерпретирует предложение, накладывая на него живописный экспрессивный оттенок. Переводчик прибегает к приему стилистического усиления, намеренно подчеркивая, выдвигая характерную черту оригинала – *волосы у нее были золотые*, описывая волосы главной героини, сравнивая их с цветом золота. В оригинале данный художественный прием звучит менее броско и экспрессивно. Резюмируя, можно отметить, что благодаря стилистическому усилению Ю. Стефанову удастся воспроизвести эмоциональность высказывания, сохранить сравнение, заложенное в оригинале, а также передать ярко выраженную экспрессивную окраску роскошных волос девочки. Во втором случае сравнение в предложении *des yeux bleus comme le ciel des plus belles journées* переводчик передает за счет

стилистического соответствия – *глаза голубые, как небо в ясный денек*, сохраняя основные стилистические, структурные черты оригинала. Прием позволил воспроизвести адекватную степень стилистических сдвигов и функционально использовать образное сходство, оставаясь в рамках коннотации и не нарушив характер оригинального текста. Здесь субъективная форма выразительности оригинала не подчеркивается, а тактично воспроизводится. Ю. Стефанову удалось передать суть исходного текста так, чтобы читатель смог представить и провести сравнение прекрасных глаз девочки, вообразив чистое голубое небо.

«*Les maisons sont grosses comme des boîtes d'allumettes et les gens comme des fourmis*» [Клавель 1987: 35]. – «*Дома там величиной со спичечный коробок, а люди как муравьи*» [Клавель 1987: 35]. Данное предложение содержит в себе двойное сравнение *Les maisons sont grosses comme des boîtes d'allumettes / les gens comme des fourmis*. В первом случае оригинал *Les maisons sont grosses comme des boîtes d'allumettes* приводит пример сравнения дома со спичечными коробками, однако в языке перевода Н. Бордовских воспользовался стилистическим ослаблением, таким образом приглушая выразительность художественного приема, заменив менее сильным, нейтральным – *Дома там величиной со спичечный коробок*. Здесь затушевана подчеркнутая броскость сравнения, однако истинный замысел оригинала не искажает воображение и представление данных объектов в тексте. Во втором случае оригинальные строки *les gens comme des fourmis*, которые демонстрируют сравнение жителей с крошечными муравьями, были переведены благодаря стилистическому соответствию – *люди как муравьи*. Н. Бордовских воспроизводит эквивалентную передачу оригинального замысла, не меняя лексическую наполняемость и сохраняя художественный прием, который мысленно возносит читателя на головокружительную высоту, откуда невозможно все рассмотреть детально, где видно лишь крохотных людей и дома миниатюрных размеров.

«*Eh bien, les hommes qui ne pensait qu'à manger, les hommes qui sont plus gourmands que les ours, ont compris que les ours aiment manger les enfants*» [Клавель 1987: 37]. – «*Ну и вот, люди, которые только о еде и думают и гораздо большие лакомки, чем медведи, решили, что медведи любят есть детей*» [Клавель 1987: 37]. В представленном примере Н. Бордовских принимает решение перевести художественный прием – сравнение *les hommes qui ne pensait qu'à manger, les hommes qui sont plus gourmands que les ours*, применив стилистическое соответствие – *люди, которые только о еде и думают и гораздо большие лакомки, чем медведи*. Данный прием позволил сохранить лексическую наполняемость предложения и описать тревогу, возмущение и непонимание медведя, его негодование в отношении людей, которые наговаривают на них,

распространяют не соответствующие истине высказывания. Н. Бордовских оптимально использовал ситуацию переводимости, сохранил основные черты оригинала, при этом оставаясь в рамках коннотации и не нарушив характер исходного текста.

Итак, анализ такого художественного приема как сравнение показывает, что важными эмоциональными компонентами оригинала при переводе являются стилистическое соответствие, стилистическое усиление и стилистическое опущение.

Олицетворение

«*Les cordages du bateau où soufflait le vent lui répondirent*» [Клавель 1987: 19]. – «*В снастях лодки засвистел ветер*» [Клавель 1987: 19]. В данном случае оригинал Б. Клавеля *soufflait le vent* (дословно: *дул ветер*) звучит менее экспрессивно, нежели перевод Ю. Стефанова *засвистел ветер*, благодаря приему стилистического усиления. В предложении происходит воплощение ветра в образ живого существа. Переводчик достиг эмоциональной окраски, наделяя неживой объект голосом, действиями, поступками, создавая образ персонажа, тем самым увеличивая образность сказанного и сохраняя замысел оригинала. Данный перевод представляется нам удачным, поскольку Ю. Стефанов успешно усилил эффект выражения, наделив текст ярким олицетворением, которое позволило услышать и прочувствовать присутствие ветра.

«*Elle écouta un moment le vent chanter dans cet arbre, puis elle dit*» [Клавель 1987: 24]. – «*Послушала она, как в ветвях поет ветер, и сказала*» [Клавель 1987: 24]. В рассматриваемом случае олицетворение *le vent chanter dans cet arbre* было интерпретировано Ю. Стефановым за счет стилистического соответствия – *в ветвях поет ветер*, которое позволило эквивалентно передать оригинал, однако переводчик опустил словосочетание *un moment*, не сохраняя лексическую наполняемость предложения. Тем не менее, художественный прием был воспроизведен равноценно исходному тексту и оптимально использован в ситуации переводимости, функционально переданы все способы образного сходства.

«*Le vent de l'Océan souleva d'énormes vagues et les poussa vers la plage*» [Клавель 1987: 25]. – «*Ветер поднял огромные волны и погнал их к берегу*» [Клавель 1987: 25]. Оригиналу предложения содержит в себе два художественных приема олицетворения. Первая часть *le vent de l'Océan souleva d'énormes vagues* была репрезентирована на русский посредством использования переводчиком такого приема как стилистическое соответствие – *Ветер поднял огромные волны*. Ю. Стефанов пришел к выводу, что данный способ позволит подлинно передать смысловое значение исходного текста. Анализируя словосочетание, можно отметить, что переводчику удалось наделив ветер силой, могуществом, вообразить его злость, передать экспрессию неодушевленного явления. Читатель, не

осознавая этого, погружается в сюжетную линию, впитывая мудрость сказания. Вторая часть *les poussa vers la plage* описывает толчок волн к берегу, однако Ю. Стефанов применяет стилистическое усиление, которое звучит более экспрессивно, чем просто толчок – *погнал их к берегу*, как бы набирая скорость данной волны, гиперболизируя выражение, воплощая могущество надвигающейся волны, ее безбрежность и величественность. Перевод данного предложения сложен и равно эквивалентен, семантически верно воспроизведен и корректно изложен.

«*La pente est plus douce, comme si la montagne courbait le dos sous le poids de la neige*» [Клавель 1987: 35]. – «Склон становится более пологим, словно гора согнула спину под тяжестью снега» [Клавель 1987: 35]. В рассматриваемом случае олицетворение Н. Бордовских звучит ровно эквивалентно оригиналу Б. Клавеля – *словно гора согнула спину под тяжестью снега*, благодаря приему стилистического соответствия. Данное решение позволило точно передать тяжелое бремя горы, ее страдания, испытания и мучения, от которых она погибает. Н. Бордовских удачно передает художественный прием, сохраняя лексическую и семантическую наполняемость текста, в том числе ярко раскрывая экспрессивный аспект данного словосочетания, погружая читателя в живописную картину происходящего.

«*Lorsque le soleil revint, la petite fille regarda vers la plage et constata que la tempête avait emporté l'arbre et les oiseaux*» [Клавель 1987: 25]. – «Когда солнце снова взошло, девочка посмотрела на взморье и увидела, что буря унесла дерево вместе с птицами» [Клавель 1987: 25]. В представленном примере Н. Бордовских принимает решение перевести художественный прием – олицетворение *la tempête avait emporté l'arbre et les oiseaux*, применив стилистическое соответствие – *буря унесла дерево вместе с птицами*. Н. Бордовских оптимально использовал ситуацию переводимости, смог сохранить основные черты оригинала, при этом оставаясь в рамках коннотации и не нарушив характер исходного текста. Таким образом, данное словосочетание содержит эквивалентный экспрессивный оттенок, позволяющий передать семантику, заложенную в первоисточнике, не стирая замысел исходного текста.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что художественный прием олицетворения является одним из важнейших эмоциональных компонентов, при переводе оригинала которого переводчик часто прибегает к использованию таких приемов как стилистическое соответствие и стилистическое усиление.

Литота

«*Au bout d'une heure, elle se retourne vers la plaine, et elle voit le village minuscule*» [Клавель 1987: 35]. – «Прошагав целый час, она оборачивается, чтобы взглянуть вниз на долину, и видит крошечную деревушку» [Клавель

1987: 35]. Оригинал, содержащий художественный прием – *elle voit le village minuscule*, был аналогично восполнен в тексте перевода Н. Бордовских за счет приема стилистического соответствия – *видит крошечную деревушку*. Данное решение мы считаем удачным, поскольку оно дает точное представление об образном выражении, художественном преуменьшении величины деревушки, ее миниатюрные, крошечные размеры, не искажая задумки автора. Таким образом, описательность словосочетания погружает читателя в реалии сказки, в живописную, сказочную атмосферу окружающей действительности.

«*Les maisons sont grosses comme des boîtes d'allumettes et les gens comme des fourmis*» [Клавель 1987: 35]. – «*Дома там величиной со спичечный коробок, а люди как муравьи*» [Клавель 1987: 35]. Предложение, содержащее двойную литоту *Les maisons sont grosses comme des boîtes d'allumettes / les gens comme des fourmis*, в первом случае было переведено Н. Бордовских за счет стилистического соответствия – *Дома там величиной со спичечный коробок*, благодаря которому передается картина описания точечных объектов, крошечных и незначительных в моменте видения изображения с большой высоты. В данном случае прием уместен и не изменяет содержательную ценность исходного текста. Во втором случае оригинальные строки *les gens comme des fourmis*, которые демонстрируют сравнение жителей с крошечными муравьями, были переведены благодаря стилистическому соответствию – *люди как муравьи*. Н. Бордовских воспроизводит эквивалентную передачу оригинального замысла, не меняя лексическую наполняемость и сохраняя художественный прием, который мысленно возносит читателя на головокружительную высоту, откуда невозможно все рассмотреть детально, где видно лишь крохотных людей и дома миниатюрных размеров.

Итак, проанализировав несколько примеров, содержащих такой художественный прием как литота, мы выявили, что основным компонентом при передаче оригинала является стилистическое соответствие.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что на лексическом уровне наиболее часто используются тропы, в основе которых лежит живописность, художественность и метафоричность, способствующие усилению выразительности и экспрессивности изложения. На лексическом уровне экспрессивность оригинала в языке перевода репрезентируется за счет следующих приемов: стилистическое соответствие, стилистическое усиление, стилистическая субституция, стилистическая индивидуализация, стилистическая типизация, стилистическое ослабление и стилистическая

нивелировка, которые позволили воссоздать произведение равно эквивалентное по содержательности, наполняемости и смысловому замыслу.

Библиографический список

Брауде Л.Ю. Скандинавская литературная сказка. М.: Наука, 1979. 208 с.

Гак В.Г. Новый французско-русский словарь = Nouveau dictionnaire français-russe: 70 000 слов, 200 000 единиц перевода. М.: Дрофа, 2010. 1160 с.

Клавель Б. Поющее дерево: Сборник сказок. / Сост. Н.С. Бордовских. На франц. яз. с параллельным русским текстом. М.: Радуга, 1987. 240 с.

Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. 1950 – 1990-е годы: в 2 т. М.:Academia, 2003. Т. 1. 412 с.

Попович А. Проблемы художественного перевода. М.: Высш. шк., 1980. 199 с.

Стариннова К.В., Хорошева Е.А. Презентация экспрессивности в французской литературной сказке / L Огарёвские чтения: материалы научной конференции: в 3 ч. Саранск, 06–11 декабря 2021 года. Часть 3. Саранск: Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарёва, 2022. С. 255-260.

Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.

Цикушева И.В. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы) // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 52–55.

References

- Braude L.YU. Skandinavskaya literaturnaya skazka. M.: Nauka, 1979. 208 s.
- Gak V.G. Novyj francuzsko-russkij slovar' = Nouveau dictionnaire français-russe: 70 000 slov, 200 000 edinic perevoda. M.: Drofa, 2010. 1160 s.
- Klavel' B. Poyushchee derevo: Sbornik skazok. / Sost. N.S. Bordovskih. Na franc. yaz. s parallel'nym russkim tekstom. M.: Raduga, 1987. 240 s.
- Kovtun E.N. Poetika neobychajnogo: Hudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoj skazki, utopii, pritchi i mifa. M.: Izd-vo MGU, 1999. 308 s.
- Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. Sovremennaya russkaya literatura. 1950 – 1990-e gody: v 2 t. M.:Academia, 2003. T. 1. 412 s.
- Popovich A. Problemy hudozhestvennogo perevoda. M.: Vyssh. shk., 1980. 199 s.
- Starinnova K.V., Horosheva E.A. Prezentaciya ekspressivnosti v francuzskoj literaturnoj skazke / L Ogaryovskie chteniya: materialy nauchnoj konferencii: v 3 ch. Saransk, 06–11 dekabrya 2021 goda. CHast' 3. Saransk: Mordov. gos. un-t im. N.P. Ogaryova, 2022. S. 255-260.
- Harchenko V.K. Razgranichenie ocenochnosti, obraznosti, ekspressii i emocional'nosti v semantike slova // Russkij yazyk v shkole. 1976. № 3. S. 66–71.
- Cikusheva I.V. Zhanrovye osobennosti literaturnoj skazki (na materiale russkoj i anglijskoj literatury) // Vestnik Adygejskogo gos. un-ta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2008. № 1. S. 52–55.